
Трансформация социально-экономических норм в обществе Западной Белоруссии, 1939–1941 гг.: попытка институционального анализа

Янина Карпенкина

The transformation of socio-economic rules in the society of Western
Belorussia, 1939–1941: an attempt of the institutional analysis

Yanina Karpenkina

(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722010101

Присоединение восточных польских воеводств (Западных Белоруссии и Украины) к СССР в сентябре 1939 г. до сих пор остаётся предметом острых дискуссий¹. Основное внимание обращается на следующие сюжеты: административно-территориальное деление новых территорий БССР и УССР, национальная политика, создание плановой экономики, органов местного управления, образования и идеологического воспитания. Рассматривая преимущественно меры советской власти, исследователи оперируют такими понятиями как «репрессии», «индоктринация», «идеология», «пропаганда», «национализация». Между тем важную и недооценённую роль в советизации² присоединённого региона играли неформальные социальные практики, которые не регламентировались нормативно-правовыми актами. Цель настоящего исследования – анализ экономических и властных отношений, сложившихся в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг.

Как пишет Д. Норт, «социальные институты – это созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»³. Основным аспектом в институциональном анализе выступает совокупность и взаимовлияние индивидуальных акторов и институциональной среды, создающей неформальные правила – неписанные и «социально санкционированные» кодексы поведения человека⁴. Наравне с формальным, неформальное

© 2022 г. Я.В. Карпенкина

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ См.: Репрессии против поляков и польских граждан / Сост. А.Э. Гурьянов. М., 1997; *Sleszyński W.* Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie: Propaganda i indoktrynacja. Białystok, 2001; *Jasiewicz K.* Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939–1941 (Białostocczyzna, Nowogródzczyzna, Polisie, Wileńszczyzna). Warszawa, 2001; *Gross J. T.* Revolution from abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton, 2002; *Sowietyzacja i rusyfikacja północno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej, 1939–1941* / Red. M. Gnatowski, D. Bockowski. Białystok, 2003; *Strzembosz T., Wnuk R.* Czerwone bagno: konspiracja i partyzantka antysowiecka w Augustowskiem, wrzesień 1939 – czerwiec 1941. Gdańsk: Muzeum II Wojny Światowej. Warszawa, 2009; Восень 1939 года ў гістарычнай традыцыі і вуснай гісторыі / Рэд. А. Смалянчук. Мінск, 2015.

² Под советизацией я понимаю мероприятия, направленные на создание государственных и административных структур, конструирование нового образа жизни для граждан присоединённого региона по укоренившимся в СССР образцам.

³ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 28.

⁴ Там же. С. 60. См. также: *Остром Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М., 2010.

также является обязательным для человека стандартом поведения⁵. Применяя этот методологический фокус, я рассматриваю экономические и некоторые социальные изменения в обществе западных областей, привнесённые политикой советизации и, в частности, командированными советскими служащими («восточниками», как их тогда называли). В качестве примера приведён случай, произошедший в 1940–1941 гг. в районном финансовом отделении (райфо) г. Постава Вилейской обл.⁶ На удивление целостно сохранившееся партийное расследование повествует о служебных злоупотреблениях «номенклатуры», проливает свет на экономические и управленческие практики, расширяет представление о повседневной жизни в Западной Белоруссии накануне Великой Отечественной войны⁷.

10 мая 1940 г. торговец мануфактурой Гуревич, проживавший в Поставах, получил налоговый счёт на сумму 3330 руб.⁸ 12 ноября 1940 г. во время обыска в его квартире сотрудники НКВД изъяли мужские костюмы, пальто, головные уборы и другие вещи якобы в счёт погашения неуплаченного налога⁹. Финансовому инспектору Сергею Диковичу дали поручение принести конфискованные вещи в райфо¹⁰, где он стал свидетелем их нелегального распределения между заведующим Нестеровым, его женой и заместителем заведующего Вилейского областного финотдела (облфо) Кресиным¹¹. Пользуясь случаем, фининспектор попросил у Нестерова разрешение приобрести за 180 руб. (весьма скромная по тем временам цена) мужской шерстяной костюм и фуражку¹². Свои приобретения Дикович показал местному торговцу Александру Теляку, у которого снимал комнату. Тот оценил костюм в 1 тыс. руб., и Дикович предложил продать его на «чёрном рынке» за 800 руб., из которых 200 обещал отдать за посредничество. Однако Теляк отказался помочь в этом деликатном вопросе, после чего в отношениях соседей наметился разрыв, а через два месяца Дикович съехал со съёмной квартиры.

Теляк вместе с тремя компаньонами занимался торговлей мясом согласно патенту, полученному в марте 1941 г. Однако начисленный спустя месяц налог торговец смог уплатить лишь наполовину. В ответ райфо подало на него в суд, было возбуждено уголовное дело. Дикович имел представление о реальной платёжеспособности Теляка и заявлял, что на самом деле тот живёт «роскошно» и «систематически пьянствует»¹³. Являлось ли это стремлением выслужить-

---

⁵ В то же время индивиды сами влияют на социальную среду, поддерживая или изменяя те или иные институализированные практики.

⁶ Вилейская обл. была создана в Западной Белоруссии в сентябре 1939 г. и просуществовала до 1944 г.

⁷ Государственный областной архив Минской области (далее – ГА МО), ф. 653П, оп. 1, д. 50.

⁸ Согласно справке районного финотдела, размер налога определялся исходя из финансовых возможностей Гуревича. См.: Там же, л. 64.

⁹ При этом Гуревич спустя шесть дней после начисления налога был освобождён от его уплаты по причине неплатёжеспособности.

¹⁰ По закону, конфискованные в счёт неуплаты налога товары становились частью государственного товарного фонда и подлежали реализации через государственную торговую сеть. Для этого конфискат сначала оценивали в райфо, а потом отправляли в райторг для последующей продажи населению.

¹¹ Примечательно, что Кресин был направлен в район с целью курирования процесса подготовки местной парторганизации к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Однако вопрос конфискованных костюмов его занимал явно больше.

¹² ГА МО, ф. 653П, оп. 1, д. 50, л. 49.

¹³ Там же, л. 43.

ся или желанием отомстить, но показания инспектора склонили решение суда не в пользу торговца.

Теляк решил расквитаться с бывшим соседом, сообщив в прокуратуру Поставского района о незаконной покупке Диковичем костюма и о попытках его незаконной продажи. В своём доносе торговец писал: «[Дикович] сказал, что если я продам этот костюм, то он принесёт другой, но я ему ответил, что этим делом заниматься не хочу потому, что не есть я шпикулянт¹⁴... За последнее время он не стал платить за квартиру, и [я] должен был ему отказать [в аренде]. С тех пор дружеские отношения кончились, и тогда он стал наводить на меня ложные показания»¹⁵. Прокурор переслал эти свидетельства Нестерову. Этим бы, скорее всего, дело и закончилось, однако второй экземпляр своего доноса Теляк направил в Наркомат финансов БССР. В конце апреля 1941 г. финотдел Вилейской обл. получил распоряжение провести по делу «глубокую проверку» и «привлечь виновных к ответственности»¹⁶. Руководитель областного финотдела Горфункель, тоже получивший один из конфискованных костюмов Гуревича, поручил одному из своих доверенных подчинённых, фининспектору Луконину, составить отчётные материалы по якобы проведённому расследованию.

Разумеется, в подготовленном отчёте не упоминалось множество фактов незаконного распределения товаров. Так, Луконин писал о том, что со склада райфо было продано всего пять костюмов, хотя на самом деле — как минимум в три раза больше. Но самое важное — в материалах проверки говорилось, что, поскольку Дикович отрицает факт его предложения перепродать костюм, а свидетелей беседы нет, то «в этой части заявление Теляка является клеветническим»¹⁷. Акценты в отчёте были смещены с практики незаконного присвоения товаров со склада на безответственное поведение Диковича. Однако и в таком виде материалы расследования Луконина показались руководству облфо достаточно рискованными. Поэтому, когда в начале мая 1941 г. в Вилейку прибыла проверка из Наркомфина БССР и потребовала показать отчёт, Горфункель ответил, что он хранится у Кресина, который якобы в командировке. После отъезда проверяющих он велел в срочном порядке уволить Диковича. В составленной Нестеровым служебной записке были приведены следующие факты недобросовестного поведения: снизил сумму некоторых налоговых начислений на 50%; проявлял грубость к людям, «ранее угнетённым польскими властями»; опоздал на работу на 6 минут; в день католической Пасхи напился до того, что «потерял облик советского служащего» и залез на чердак конторы райфо, откуда пришлось его вытаскивать¹⁸. Отсутствие в характеристике упоминаний о тяжких нарушениях фининспектором своих должностных обязательств указывает на то, что, видимо, Дикович являлся неплохим работником. Он был не лучше и не хуже большинства своих коллег: так же вёл разгульный образ жизни, так же пренебрежительно относился к местному населению, так же по примеру руководства злоупотреблял служебным положением.

¹⁴ Грамматический полонизм, имевший хождение в этом регионе.

¹⁵ ГА МО, ф. 653П, оп. 1, д. 50, л. 47. Орфография и пунктуация сохранены.

¹⁶ Там же.

¹⁷ При этом, согласно устным показаниям Диковича, при разговоре о продаже костюма присутствовала жена Теляка (Там же, л. 42, 50).

¹⁸ Там же, л. 42. См. также: *Карпенкина Я.В.* Советские граждане в Западной Белоруссии, 1939—1941 гг. // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 48—56.

По иронии судьбы, Дикович сам передал на подпись Горфункелю запечатанный в конверт приказ о своём увольнении. Заведующий облфо, как и Нестеров, ничего инспектору не сказал. 10 мая 1941 г. Горфункель отчитался о результатах расследования, сообщив, что «изложенные факты в заявлении Теляка в основном правильные»¹⁹, поэтому Дикович снят с работы. Это вполне удовлетворило Наркомфин БССР. Материалы по расследованию этого происшествия были рассредоточены по архивным делам областного финотдела, а большую часть переписки по этому делу Кресин хранил в своём столе.

Но и на этом история не закончилась. В начале июня 1941 г. из Вилейки в Поставы с рабочим визитом приехал один из фининспекторов. Зайдя в контору райфо, он с удивлением увидел Диковича и рассказал, что, согласно документам, того уже несколько недель как уволили. Позже Дикович вспоминал: «Зав. облфо Горфункель сговорившись с зав. Поставским райфо чтобы меня снять с работы, а сами оправдываются... и [Горфункель] меня не спросил [о причинах увольнения], так как я также в докладной записке упомянул бы остальных»²⁰. Вероятно, Дикович решил расквитаться с обидчиками и проинформировал вышестоящие инстанции (предположительно, Наркомфин БССР) об участии своего бывшего руководства в распределении конфискованных костюмов.

В том же месяце прокуратура Вилейской обл. начала проверку деятельности Кресина и Горфункеля, выявив их многочисленные злоупотребления. Кроме того, стало известно, что вместе с одеждой у Гуревича конфисковали ряд других ценных по тем временам вещей: ящик мелкого электрооборудования, отрезки кожи, кусок резины и 252 польских золотых серебром²¹. В отчёте Луколина отмечалось, что костюмов было 18, хотя на самом деле 26, не считая ещё брюк, головных уборов, мужских и женских пальто²². Систематически занижалась и стоимость вещей. Так, костюмы были оценены в 180 руб. (фактическая стоимость – 700–800 руб.), пальто – в 175 при реальной цене 400–500 руб. и т.д. Получив такую «скидку» на товар, руководящие работники распределили между собой «абсолютное его большинство»²³. К примеру, Кресин со склада райфо «взял» брюки, шляпу и три костюма. Достались вещи также редактору районной газеты, заведующим Сберкассой, районо и райторгом, старшему налоговому и бюджетному инспекторам²⁴.

Только в мае 1941 г., когда шло расследование по доносу Теляка, и Дикович уже был уволен, райфо постфактум документально оформило начисление налога на торговца Гуревича. Лишь тогда, спустя полгода после изъятия костюмов, поставскому городскому потребительскому обществу (горпо) пришлось перечислить в государственный фонд вырученные за продажу этого конфиската деньги. Но из причитавшихся 7350 руб. в счёт погашения недоимки по налогам Гуревича было передано только 3896. Куда подевались неучтённые 3454 руб. – неизвестно.

В следственных документах приведены некоторые личностные и профессиональные характеристики основных обвиняемых. Отмечалось, что Горфункель

¹⁹ ГА МО, ф. 653П, оп. 1, д. 50, л. 45.

²⁰ Там же, л. 56.

²¹ Там же, л. 64.

²² Там же, л. 42, 65.

²³ Там же, л. 64.

²⁴ Там же, л. 64–65.

совершал многочисленные нарушения прав подчинённых, например — увольнял «по сокращению штата» или понижал в должности наиболее своевольных и активных специалистов²⁵. Его заместитель Кресин во время одной из поездок в Поставы в «пьяном угаре организовал свадьбу» местных учителя и активистки, а утром «расстроил» этот «брак»²⁶. На следующий день свидетельство о браке было аннулировано, а прокурор Поставского района возбудил уголовное дело, вскоре прекращённое, так как бывшая невеста отказалась от своих претензий к Кресину²⁷.

За злоупотребления служебным положением и «несоциалистическое поведение» Кресин и Горфункель в июне 1941 г. были уволены, исключены из партии и подлежали суду. Предположительно, такая же участь ожидала заведующего райфо Нестерова и руководство горпо. Но 6 июля Поставы оккупировала германская армия, разбирательства по этим делам были прерваны и уже не возобновились.

«Восточники» и теневая экономика в Западной Белоруссии. Одной из основных мер советизации новых областей в 1939–1941 гг. стало командирование туда «восточников» — советских военных и гражданских служащих, из которых должен был сложиться административно-управленческий костяк. К началу 1941 г. все ключевые позиции в Западной Белоруссии оказались заполнены «надёжными» кадрами. Куда более серьёзные трудности возникли с созданием позитивного образа СССР. Встреча двух «миров» (западного и советского) в 1939 г. вызывала у их представителей обоюдный культурный шок. «Восточники» застали на «освобождаемой» территории невиданное ими изобилие товаров. Местное население с удивлением наблюдало, как советские граждане скупали всё, что лежало на полках магазинов. Особенно активными покупателями стали руководящие работники из других областей страны, нередко оформлявшие в этих целях командировки²⁸. Один из красноармейцев не мог понять, «в чём заключается освобождение Польши», если там «живут лучше, чем у нас». Другой в разговоре также отмечал, что «население Западной Белоруссии живёт лучше, чем население Советского Союза. Когда проезжал по деревням в праздник, то видел, что все хорошо одеты, многие имеют велосипеды»²⁹.

В 1939–1940 г. ситуация с продовольственным снабжением в Советском Союзе значительно ухудшилась. Быстро росли цены на ткани, головные уборы, бельё, трикотаж, стеклянную посуду, в ряде регионов из продажи исчезли хлеб и мука, вводились продовольственные карточки. Из-за дороговизны килограммы и литры, как меры веса, исчезли из употребления, продукты покупали стаканами (молоко), поштучно (картофель), и даже блюдечками (муку)³⁰.

²⁵ Там же, л. 60–63.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Там же, л. 65.

²⁸ В данном случае ситуации в Западной Белоруссии и Западной Украине были идентичны. Так, в сводке управления НКВД УССР за январь 1940 г. сообщалось, что выездные бригады Наркомтекстиля и Наркомлегпрома «большую часть времени посвящали личным закупкам и не привезли данных о промышленности, что было основной задачей их поездки» (*Баран В.К.* Экономические преобразования в Западной Украине в 1939–1941 годах // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы.* СПб., 2011. С. 172).

²⁹ НКВД в Западной Белоруссии: сентябрь–декабрь 1939 г.: документы и материалы / Сост. В.Д. Селеменев, А.Р. Дюков. Минск; М., 2019. С. 62, 70.

³⁰ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. М., 2008. С. 207–219.

Перебои со снабжением наблюдались в армии и на военно-промышленных объектах. Наиболее тяжёлое положение сложилось зимой–весной 1940 г.³¹ и совпало с направлением «восточников» в новые территории Белоруссии.

Сентябрьская военная кампания нанесла существенный материальный урон и разрушила прежние торговые связи в западных областях. Уже в октябре 1939 г. в Минск и Москву шли многочисленные доклады о перебоях в заводе продовольствия и опустении магазинов³². Советское руководство в 1939–1941 гг. стремилось решить эту проблему – продовольственные и сырьевые поставки в западные области БССР превышали объём обеспечения восточных областей республики; нормы продажи товаров в одни руки были больше, чем в остальных регионах страны. Но этого оказалось недостаточно, острый дефицит сохранялся³³. Так, поставки в Белостокскую обл. в III квартале 1940 г. не превышали 20–30% от запланированной нормы, некоторая продукция (например, валяная обувь) не поступала вовсе³⁴. Приобретая территории с населением более 12 млн человек, Советский Союз оказался не в состоянии должным образом обеспечить их даже основными товарами.

Серьёзно усугубляли продовольственный кризис меры новой власти по борьбе с частным рынком. Главным инструментом стали налоги, уже в ноябре 1939 г. повышенные на 50% для владельцев торгово-промышленных предприятий и прочих лиц с «нетрудовыми доходами» (например, землевладельцев)³⁵. Работы лишились торговцы десятков тысяч разорившихся лавок, до войны бывших основой торговой инфраструктуры в Восточной Польше. Не имея иных возможностей заработать, большинство из них продолжили свою деятельность подпольно. В нелегальных сделках купли-продажи участвовали даже юридические лица: предприятия приобретали на «чёрном» рынке необходимое оборудование, а рестораны – продукты питания³⁶.

Несмотря на суровое наказание (лишение свободы на 5–10 лет без права применения амнистии³⁷) в Советском Союзе спекуляция стала распространённым и прибыльным занятием³⁸. Дж. Хесслер отметила, что колоссальные

³¹ Там же.

³² НКВД в Западной Беларуси... С. 28, 75.

³³ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НА РБ), ф. 4П, оп. 1, д. 14536, л. 9.

³⁴ Yad Vashem Archive. Спецсообщения и докладные работников НКВД, суда и прокуратуры об антисоветской деятельности контрреволюционных и враждебных элементов (RG-М.41*3097. Item ID: 6195191, л. 5–6).

³⁵ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 55–57.

³⁶ В довоенной Польше также имела место «теневая» экономика. Но в отличие от «советского варианта», на польском «чёрном» рынке торговали не продуктами первой необходимости, а валютой и предметами роскоши, добытыми с помощью контрабанды и грабежа (*Дюллен С.* Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. М., 2019. С. 131–148; *Полуян И.* Западная Белоруссия в период экономического кризиса (1929–1933 гг.). Минск, 1991; *Ляхоўскі У., Напшчынец К.* Кантрабанда ў БССР у 1920–1930-х гг.: сацыяльна-эканамічнае вымярэнне // *Архе Пачатак*. 2015. № 11. С. 295–323). Соответственно, в межвоенные годы участие местных жителей в работе «чёрного» рынка не было всеобщим.

³⁷ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1937. С. 166–168.

³⁸ О роли спекуляции в советской плановой экономике см. подробнее: *Nove A.* An economic history of the USSR 1917–1991. L., 1992; *Ledeneva A.V.* Russia's economy of favours: Blat, networking and informal exchange. Cambridge, 1998; *Hessler J.* A Social history of Soviet trade. Trade policy, retail practices, and consumption, 1917–1953. Princeton; Oxford, 2004; *Heinzen J.* The art of the bribe: corruption under Stalin, 1943–1953. New Haven; L., 2016; *Хлевнюк О.В.* «Толкачи». Параллельные стимулы в сталинской экономической системе. 1930-е – 1950-е годы // *Cahiers du Monde Russe*. 2018. Т. 59. № 2–3. С. 233–254; *The soviet economy and the approach of war, 1937–1939* / Ed. by R.W. Davies,

масштабы и разнообразные формы частной торговли в СССР позволяют говорить о формировании в сталинском обществе особой «культуры дефицита». Для неё характерна ситуация, при которой каждый может одновременно быть и продавцом, и покупателем. Дж. Хейнцен предлагает рассматривать коррупцию в СССР как разновидность «искусства», «практику, которую мы можем понимать как тип переговоров, формируемых культурными контекстами и отношениями, а не просто как социально опасное преступление или моральное зло»³⁹. На примере Магнитогорска С. Коткин показал, что ввиду почти полного отсутствия государственной торговой инфраструктуры и товаров народного потребления, потребительский спрос насыщался почти исключительно за счёт нелегальной рыночной активности общества. Такая модель способствовала стабилизации сталинского режима, но в то же время размывала понятия законности и преступности⁴⁰.

Поскольку в западных областях БССР процесс налаживания советской торговой сети проходил не слишком успешно, в начале 1940 г. республиканское правительство пошло на временное сохранение предпринимательства, выдавая патенты на занятия кустарным ремеслом, мелкой торговлей. Однако из-за высоких налогов многие торговцы и кустари массово сдавали патенты уже через несколько месяцев после получения. Популярной стала практика, при которой за одним патентом скрывались нелегальные предприятия и группировки (вероятно, такой формат работы давал больше возможности уплатить требуемый налог).

В Западной Белоруссии на первое место по доходности вышла спекуляция мясными продуктами. Не желая вступать в колхозы и обобществлять своё имущество, крестьяне массово продавали свой скот нелегальным скупщикам⁴¹. Так, в декабре 1940 г. в Белостоке были задержаны пять человек, которые занимались перепродажей мяса, имея лишь один патент. Кроме скота и большого количества овчин, у них при аресте обнаружили 131 тыс. руб.(!)⁴². В связи с этим можно предположить, что материальный достаток поставского торговца мясом Теляка действительно мог быть сравнительно высоким. Характерно также, что он держал предприятие, в котором кроме него работали ещё по крайней мере три человека, не имевших патента.

Советская экономическая модель, со свойственным ей балансом официального и «теневого», в считанные месяцы была экстраполирована на новое пограничье. Во многом этому поспособствовали «восточники», учившие новых сограждан «искусству» жить по-советски⁴³. Одной из привнесённых практик «культуры дефицита» стало давно известное в СССР закрытое распределение товаров⁴⁴. Популярным был вариант продажи по «магазинным спискам»⁴⁵, в которые включались, как правило, привилегированные местные чиновники.

M. Harrison, O. Khlevniuk, S.G. Wheatcroft. L., 2018; *Khlevniuk O. The Pavlenko construction enterprise. Large-scale private entrepreneurialism in Stalin's USSR // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71. № 6. P. 892–906.*

³⁹ *Heinzen J. The art of the bribe... P. 95.*

⁴⁰ *Kotkin S. Magnetic mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. P. 279.*

⁴¹ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 16867, л. 3.

⁴² Там же, д. 16848, л. 228.

⁴³ *Pinchuk B.-C. Shtetl Jews under Soviet Rule: Eastern Poland on the eve of the Holocaust. Oxford, 1990. P. 63.*

⁴⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 220, л. 54–55.

⁴⁵ Там же, д. 225, л. 55.

Дефицит нередко доставляли на дом. Мойше Канторович, житель местечка Шершев (недалеко от Бреста), в 1939 г. работал курьером в местном отделении райпотребсоюза. Свои должностные обязанности он вспоминал так: «Товары всегда доставляли в небольшом количестве, и население... даже не знало об их поступлении. В мои задачи входило тайно разносить эти товары по домам восточников... Причём я должен был вручать дефицитные товары именно жёнам восточников. Это делалось на случай обнаружения этих махинаций, чтобы восточники могли сделать вид, что сами лично не были осведомлены о данной схеме и не участвовали в ней»⁴⁶.

Для того чтобы разобраться в сути поведения «восточников», необходимо обратиться к истории неформальных связей в среде сталинской бюрократии. Как известно, номенклатура важнейших должностей, подлежащих утверждению в Москве, была принята в 1926 г. с целью введения повсеместного партийного контроля. Однако эта мера так и не привела к жёсткой централизации. Сложная система подчинения включала разнообразные и многочисленные нелегальные каналы и связи⁴⁷. Важной частью социальной иерархии на всех уровнях стал клиентелизм. Лояльность и личное продвижение шли рука об руку, а «отношения покровительства пронизывали всё советское общество»⁴⁸.

На пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. И.В. Сталин говорил в том, что нередко местные руководители подбирают себе подчинённых не по мотивам и компетенциям, а по знакомству или землячеству⁴⁹. Действительно, все более или менее влиятельные советские чиновники разных ведомств и учреждений стремились к тому, чтобы с ними работали «свои» люди. Это давало возможность контролировать поток информации, идущий к высшему начальству, а также по-своему понимать директивы и указания, спущенные «сверху». Такие патрон-клиентские отношения (в документах тех лет – «семейственность») предоставляли региональным и отраслевым ведомствам относительную независимость.

Порицаемая на официальном уровне, эта социальная модель фактически являлась общепринятой. Преданность окружения была исключительно важна для сохранения влияния и власти⁵⁰. Как пишет О.В. Хлевнюк, для краевых и областных руководителей «моральная чистота... не входила в число первостепенных критериев оценки работника, по крайней мере, до тех пор, пока “морально-бытовое разложение” не выходило за определённые рамки и не становилось предметом громкого скандала, который *не удавалось* замять (курсив мой. – Я.К.)»⁵¹. Эта специфика зафиксирована и в деле поставского райфо. Горфункель стремился держать рядом только лояльных подчинённых, а Нестеров до последнего не решался отправить в отставку провинившегося Диковича.

---

⁴⁶ *Kantorowitz M.* My mother's bequest: from Shershev to Auschwitz to Newfoundland [Canada], 2004. P. 186.

⁴⁷ См.: *Хлевнюк О.В.* Система центр–регионы в 1930–1950-е годы. Предпосылки политизации «номенклатуры» // *Cahiers du Monde Russe.* 2003. Т. 44. № 2–3. С. 253–268. См. также: *Gregory P.R.* The political economy of Stalinism. Cambridge, 2004. P. 110–242.

⁴⁸ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 134.

⁴⁹ Там же. С. 44.

⁵⁰ *Хлевнюк О.В.* Центр–региональные отношения в 1930-е годы. Лоббирование и клиентелизм в сталинской системе управления // *Вестник Московского университета.* Сер. 21. Управление (государство и общество). 2004. № 3. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 14.

В советской властной системе довоенных лет прослеживалось весьма терпимое отношение к «морально-бытовому разложению». В архивных документах западных областей БССР часто упоминаются банкеты (нередко за счёт госсредств) и «хулиганские» происшествия во время них, свидетельства многочисленных злоупотреблений служебным положением «восточников», их связей с «сомнительными женщинами» и с «чуждым спекулятивным элементом»⁵². Важнейшим способом формирования «круговой поруки» были коллективные нарушения «партийной морали». Хлевнюк объясняет этот феномен тем, что «в сталинской системе руководители нередко предпочитали иметь дело со скомпрометированными подчинёнными, которые нуждались в защите, а следовательно, зависели от своего патрона»⁵³. Так создавались «административные клики», состоящие из начальников местных учреждений и партийной «номенклатуры». Неслучайно в распределении конфискованных у Гуревича костюмов участвовали только ключевые поставские чиновники (редактор районной газеты, заведующие районо, Сберкассой, райторга и «д[ругие] р[уководители]»⁵⁴).

Власть, с присущими ей «византийскими» нравами, направляла на места не директивы с чёткими инструкциями, а «сигналы» о проблеме, которую необходимо как-то решать. Как пишет Ш. Фицпатрик, иногда это приводило «к самым нелепым результатам, когда, например, определённые категории должностных лиц не ставились в известность об инструкциях, имевших к ним непосредственное отношение, потому что инструкции были секретными»⁵⁵. Эта социальная практика сильно напоминает процедуру увольнения Диковича.

В Западной Белоруссии советская социальная иерархия и поддерживающие её нормы приобрели свою специфику. В 1939–1941 гг. местному обществу была присуща ярко выраженная дихотомия «свой–чужой», а на взаимоотношения между социальными группами влияли межкультурные противоречия. «Восточники» ощущали себя в регионе хозяевами, относились к населению снисходительно, нередко – пренебрежительно. По свидетельству современницы, они «были нашими господами и имели право на всё»⁵⁶. Такое положение способствовало нарастанию социальной напряжённости. Белостокский школьный учитель в ноябре 1940 г. жаловался, что коммунисты «только издеваются над народом... Я поссорился с заведующим отделом народного образования Горошко из-за того, что он называет меня товарищем; сыт[ый] голодному не товарищ. Они приехали из восточных областей, получают большую зарплату, а нас морят голодом, называя товарищами»⁵⁷. Характерная для взаимоотношений «западников» и «восточников» мнительность частично объясняет взаимное недоверие Теляка и Диковича, а также неготовность торговца помочь фининспектору с продажей костюма.

Патрон-клиентские связи возникали и в отношениях между приезжими и местными, чему сильно способствовала жилищная политика советской власти. В 1940 г. всё частное жильё, превышавшее определённую «жилищную

⁵² См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 218–240.

⁵³ Хлевнюк О. В. Центр–региональные отношения... С. 14–15.

⁵⁴ ГА МО, ф. 653П, оп. 1, д. 50, л. 64–65.

⁵⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... С. 37–38.

⁵⁶ Ватова О. Всё самое важное. М., 2014. С. 47.

⁵⁷ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 15345, л. 21.

норму»⁵⁸, было муниципализировано или национализировано. Как правило, эти помещения превращались в коммуналки, а бывшим хозяевам приходилось на равных условиях делить место с новыми жильцами⁵⁹. Некоторые «западники» стремились поселить у себя приезжих советских чиновников. Хозяева предлагали им лучшие комнаты и всячески старались поддерживать добрососедские отношения, добываясь таким путём расположения и защиты. К примеру, в Белостоке в январе 1940 г. «восточник» Лебедев, руководитель областной конторы Заготльна, вселился на квартиру к бывшему владельцу фабрики, а через неделю принял его на работу и защитил от окончательного выселения, подключив свои связи в Горжилуправлении⁶⁰. Аналогичный случай зафиксирован в воспоминаниях М. Канторовича. В 1940 г. его дядя, бывший крупный торговец, «взял» к себе на квартиру «восточника», благодаря чему не только избежал национализации своего жилья, но получил для себя и для ряда своих родственников «хлебные» должности в райпотребсоюзе⁶¹. Схожую картину можно увидеть и в поставской истории. Вероятно, Теляк пригласил к себе Диковича в качестве жильца с определённым умыслом, ведь его соседом становился фининспектор — важнейшая для торговца фигура.

Впрочем, сталинская административно-управленческая система не отличалась стабильностью, и выбросить чиновника «с положенной ему орбиты казённого кружения»⁶² мог любой, даже самый незначительный случай. При определённом стечении обстоятельств на свет извлекались скрытые в обычное время подробности «номенклатурной» жизни. Зачастую поводом служила личная обида одного из членов «бюрократического семейства», что и произошло в поставском райфо. При этом наказание «маленького человека», винтика большой коррумпированной системы, было весьма в духе сталинской властной иерархии. Советский политический режим имел обыкновение отрекаться от своих слуг, наказывая их за свои же грехи. Ровно это и произошло с Диковичем, а позже и с его коллегами Кресиным и Горфункелем в 1940–1941 гг.

* * *

Советизацию бывших польских территорий прервало нападение Германии на СССР. Столь непродолжительное, но весьма тесное соседство советских граждан с местным населением способствовало их постепенному сближению. Тем не менее новоприобретённое в 1939 г. западное пограничье по культуре и уровню жизни отличалось от СССР. Попав в этот инокультурный регион, «восточники» в определённой степени переживали десоветизацию. Некоторые из них возвращались к религии⁶³, многие пересматривали свои политические убеждения и абсолютно все увлечённо занимались самообеспечением.

⁵⁸ Норма «жилплощади» разнилась. Например, в Белостоке в апреле 1940 г. она составляла 4,2 кв. м на человека (РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 228, л. 41; д. 220, л. 129).

⁵⁹ Реже в таких помещениях открывались конторы многочисленных советских «учреждений» (См.: *Карпенкина Я. В.* «Квартирный вопрос» в Западной Белоруссии и еврейское население, 1939–1940 гг. // *The Soviet and Post-Soviet Review*. Vol. 45. 2018. № 1. P. 73–98).

⁶⁰ НА РБ, ф. 4, оп. 1, д. 15268, л. 2.

⁶¹ *Kantorowicz M.* My mother's Bequest... P. 190–191.

⁶² *Лейбович О.* Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа // *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции, Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 171.*

⁶³ ГА МО, ф. 614, оп. 1, д. 31, л. 8.

Если рассматривать процесс советизации западных областей в широком контексте, то в 1939–1941 гг. этот регион предстаёт в виде своего рода «советского социума в миниатюре». Случай в Поставах наглядно демонстрирует, как порождённый планово-распределительной экономикой дефицит формировал специфическую норму социальных отношений и своеобразные этические представления. По образному выражению С. Коткина, советская система представляла собой «сплав» законного и «теневого», при этом неформальные и нелегальные подсистемы способствовали стабилизации политического режима⁶⁴.

Я.Т. Гросс назвал политику советизации западных областей БССР и УССР «революцией из-за границы»⁶⁵. Этот концепт нуждается в некотором уточнении, но в 1939–1941 гг. действительно наблюдался весьма интенсивный «экспорт» советских институтов, привнесение формальных и неформальных практик социальной коммуникации (в данном случае, секретного распределения, лоббизма, клиентелизма, системы «сигналов из центра»). Ценности и образы мыслей «восточников» также ощутимо влияли на социальную среду в новом пограничье. К 1941 г. нормой экономического поведения в западных областях стало распределение нелегально конфискованных товаров, которые были спрятаны для продажи на нелегальном рынке.

История, произошедшая в Поставах в 1940–1941 гг., могла в то время произойти практически в любом уголке СССР. К июню 1941 г. создание советской институциональной среды в новом пограничье было в целом завершено, чего нельзя сказать о «ментальной» советизации. Местные жители, тем не менее, успели ощутить все «прелести» советской повседневности. В июле 1945 г., согласно советско-польским соглашениям о репатриации, часть выходцев из Западных Белоруссии и Украины вновь получила статус польских граждан⁶⁶. К августу 1946 г. из Советского Союза в Польшу возвратились 228 814 бывших польских граждан. Массовая волна послевоенной репатриации среди прочего указывает на отношение «западников» к советской социальной среде, которая была сформирована в эпоху сталинизма.

---

⁶⁴ *Kotkin S. Magnetic mountain... P. 536.*

⁶⁵ *Gross J. T. Revolution from abroad...*

⁶⁶ В документах шла речь о поляках и евреях, которые до 17 сентября 1939 г. состояли в польском гражданстве (ГА РФ, ф. 9415, оп. 3, д. 1400). Основанием для репатриации мог быть советский паспорт с соответствующей отметкой о принадлежности заявителя к польскому гражданству, а также военный билет, свидетельство о рождении, диплом и т.п. (*Пискунов С.А. Возвращение на Родину: Участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан в 1945–1946 гг. // Социум и власть. 2012. № 5(37). С. 111, 112.*)